

БОРИС МЕЖУЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА ВАДИМА ЦЫМБУРСКОГО

 европа.

Борис Межуев

Политическая критика

Вадима Цымбурского

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4387385

Политическая критика Вадима Цымбурского: Издательство «Европа»;

Москва; 2012

ISBN 978-5-9739-0209-4

Аннотация

Книга рассматривает биографию В.Л.Цымбурского, его политические воззрения и вклад, который он внес в общественные науки. В ней подробно разбираются те стороны мировоззрения и идейной эволюции ученого, которые обычно встречают непонимание даже наиболее расположенных к нему коллег: его интерес к Шпенглеру, резкий переход от имперского либерализма к цивилизационному изоляционизму в 1993–1994 годах, противоречивое отношение к реалиям постсоветской России. Чтобы обозначить то, что Цымбурский – по образованию и основному своему профессиональному призванию филолог-античник – пытался осуществить в области общественных наук, автор выбирает термин "политическая критика". Этот термин подразумевает критику политической реальности с целью обнаружения в ней определенного идеологического содержания,

которое могло бы являться основанием для политического решения, для выбора при его принятии одной из нескольких ценностных альтернатив.

Содержание

Вступление	5
От имперского либерализма к «русскому островитянству»	11
«Мальтийские демиурги» нового мирового порядка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Борис Межуев

Политическая критика

Вадима Цымбурского

Вступление

Замысел этой небольшой книги вырос из нашей общей с Вадимом Леонидовичем Цымбурским работы над сборником его статей «Конъюнктуры Земли и Времени». Сборник вышел в свет в 2011 году в издательстве «Европа». Он был собран из серии публикаций ученого с 1991 по 2008 год, которые могли бы более полно и в разных аспектах представить его деятельность в сфере «политической науки» и связанных с ней дисциплинах. Цымбурский просил меня подготовить для этой книги специальное послесловие, которое явилось бы расширенной версией моей понравившейся ему статьи 2006 года «Остров Россия: время и место одной историософской концепции». Однако по мере подготовки этого текста я понял, что невозможно лишь немного увеличить объем, требуется осветить множество самых разных подробностей жизни и творчества философа. Чтобы их раскрыть, формата статьи недостаточно, требуется написание небольшой монографии. Мне хотелось объяснить читателю, да и самому себе,

различные стороны концепции «Острова Россия», традиционно встречающие непонимание среди даже наиболее расположенных к ее приятию коллег, в частности, симпатии Цымбурского к Шпенглеру, его резкий переход от имперского либерализма к цивилизационному изоляционизму в 1993–1994 годах, его противоречивое отношение к реалиям постсоветской России.

Я предпринял попытку описать всю нефилологическую работу Цымбурского каким-то одним термином, который схватывал бы одновременно ее общую миссию и определенные конкретным временем творческие задачи. И в конце концов, чтобы обозначить то, что пытался осуществить Цымбурский – по образованию и своему основному профессиональному призванию филолог-античник, – в области общественных наук, выбрал термин «политическая критика». Под этим термином я понимаю не столько критику режима, анализ тех или иных действий власти, сколько критику политической реальности с целью обнаружения в этой реальности определенного идеологического содержания, которое могло бы являться основанием для политического решения, для выбора при его принятии одной из нескольких ценностных альтернатив. Реальность всякий раз навязывает нам представление о собственной безальтернативности, понуждает описывать себя в качестве идеологически нейтрального продукта конкретных обстоятельств, «данностей», как предпочитал говорить Цымбурский, и задача политического кри-

тика состоит в том, чтобы деконструировать, «расшить» эту реальность, отыскать в ней то, что относится к сознательной проектной деятельности людей с собственной программой, своими ценностными предпочтениями, групповыми и корпоративными интересами.

Вадим Леонидович Цымбурский родился и прожил половину своей жизни в мире, где не просто господствовала одна идеология, но был предельно идеологизированный взгляд на реальность, и он попытался принять участие в процессе интеллектуального реформирования советского общества. Цымбурский ясно сознавал свою функцию свободного интеллектуала в этом великом и подлинно амбициозном проекте – либерализации коммунистической идеократии. Однако гибель этого проекта, распад империи, задача предотвращения которого и стала главным мотивом выхода Цымбурского в пространство журнальной публицистики 1989–1990 годов, вызвали к жизни мир, в котором роль интеллектуала оказалась сниженной до минимума. И он бросил вызов этой явно чуждой ему реальности, попытавшись обнаружить исторический и во многом сверхисторический смысл новой России. Одновременно он не устал искать каналы новой экспансии «ценностей» в материально и духовно опустошенную страну.

Цымбурский получил известность в области политической публицистики прежде всего как автор геополитической модели «Острова Россия». Согласно этой теории Рос-

сия представлялась огромным пространством, окруженным с севера и востока просторами двух океанов, а с запада и юга сухопутными территориями-проливами, отделяющими ее от иных материковых плит – пространств цивилизаций. Интересно, что сам Цымбурский – и по рождению, и отчасти по происхождению (большая доля польской крови) – плоть от плоти тех самых межцивилизационных земель. Он родился 17 февраля 1957 года во Львове¹. В этот город его дедушка, Тимофей Ефимович Цымбурский, был направлен на службу заместителем начальника Военно-строительного управления Прикарпатского военного округа после окончания войны в Германии. В августе 1945 года семья Цымбурских из эвакуации из Саранска переехала к отцу во Львов. Мать Вадима Леонидовича в 1957 году училась в аспирантуре на кафедре теоретической физики Львовского госуниверситета, отец окончил нефтяной факультет Львовского политехнического института. По словам Адель Тимофеевны, совместная жизнь родителей «сразу не сложилась, поэтому единственным мужчиной, воспитывавшим Вадима, был дедушка, который его очень любил и баловал»². Дедушка умер в 1962

¹ Сведения о жизни Вадима Цымбурского мне предоставила его мама, Адель Тимофеевна, за что я хотел бы выразить ей большую признательность.

² Отец Вадима Цымбурского скончался в Москве в 2001 году в возрасте 71 года. Сам Вадим Леонидович, повзрослев, с отцом никогда не встречался. По словам Адель Тимофеевны, отец Вадима был образованным человеком, с 28 лет читал на иностранных языках, английском и немецком, а впоследствии стал изучать арабский.

году.

В 1959 году, во время «оздоровительной» поездки в Евпаторию, Вадим заболел астмой – на всю жизнь. Из-за неподходящего климата Вадим с матерью из Львова переехали в Коммунарск (Алчевск) Ворошиловградской (Луганской) области, где он пошел в первый класс. Мать с 1962 года работала старшим преподавателем кафедры физики в Горно-металлургическом институте. После окончания четвертого класса из-за обострения астмы Вадиму пришлось уехать в Гомель к бабушке, где он проучился в пятом и шестом классах. Учеба давалась Вадиму легко, он много читал и даже сочинял «фантастические произведения». Каждое лето они с матерью ездили в горы, в Тиберду, чтобы «утихомирить» астму.

В 1971 году мать прошла по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры физики Могилевского машиностроительного института. С седьмого класса и до окончания школы Вадим учился в Могилеве – один год в обычной школе, затем, в связи с болезнью, – заочно. К девятому классу состояние его здоровья немного улучшилось, он смог снова вернуться в обычную школу и окончить ее экстерном в 1975 году. В Белоруссии Цымбурский много общался с поэтами, встречался с белорусским поэтом Алексеем Пысиным, писал неплохие стихи. Впоследствии Могилев и Белоруссию он будет считать своей малой родиной, а в графе «национальность» писать «белорус».

Поработав полгода (с февраля по август 1976 года) кино-механиком в городской фильмотеке, в 1976 году Вадим Леонидович поступил на филологический факультет МГУ на отделение русского языка, через полгода перевелся на факультет классической филологии, который окончил в 1981 году.

Дальнейший послужной список внешне выглядит более чем скромно. По окончании аспирантуры с 1986 по 1990 год Цымбурский работал научным сотрудником в Институте США и Канады. В 1988 году защитил диссертацию по гомерологии. С 1990 по 1995 год работал научным сотрудником в Институте востоковедения АН СССР. С 1995 года – старший научный сотрудник Института философии РАН. Докторскую диссертацию на степень доктора философских наук подготовить и защитить он так и не успел. Однако за скромным перечнем должностей, которых в жизни Цымбурского было совсем немного, стоит серьезная идейно-политическая эволюция, с переломными пунктами, волнами надежд и разочарований, а главное – упорной и трудной борьбой со своей эпохой за право не стыдиться быть россиянином и интеллектуалом.

От имперского либерализма к «русскому островитянству»

Известность к Цымбурскому как политическому писателю пришла только на четвертый год его творчества в области публицистики, в октябре 1993-го, когда в московском политологическом журнале «Полис» была опубликована его статья «Остров Россия. Перспективы российской геополитики». Впоследствии о Цымбурском говорили если не как о разностороннем филологе-классике и, в редких случаях, культурологе (было такое модное слово в 1990-х), то в первую очередь как о геополитике. Но и это определение было крайне односторонним. Мотивации геополитических размышлений Вадима Цымбурского лежали в сфере историософии и философии культуры. Так, его геополитическая реконструкция имперских стратегий России была основана на предположении, что политика империи производна от цивилизационного выбора, который Россия совершила в XVIII веке и который ныне переживает кризис. Россия не смогла стать органической частью Европы и очевидным образом отторгается последней. Как бы осознав неорганичность своего имперства, Россия сама сбросила с себя груз контроля над «лимитрофными территориями», сжавшись до границ Московского государства XVII века. Распад империи был обу-

словлен именно глубинным изоляционистским устремлением, которое не осознали ни либералы-вестернизаторы, воспользовавшиеся политической конъюнктурой, ни воспротивившиеся ей реставраторы-имперцы.

Спорный тезис Цымбурского об имперстве как продукте русского европеизма удивлял и настораживал очень многих читателей. Отказ России от империи ученые объяснял ее же отречением от Европы, совершенным в глубинах политического подсознательного. В момент появления этой концепции, на исходе популярности либерализма в России, общественное сознание было явно не готово согласиться с подобным выводом. Многие были готовы отвернуться от империи, некоторые – и от Европы, но практически никто – и от империи, и от Европы одновременно. Провозгласив себя выразителем подлинных чувств и устремлений российской цивилизации, Цымбурский парадоксальным образом очутился в некотором интеллектуальном одиночестве. Изоляционизм по-прежнему был ругательным словом, «западники» продолжали тосковать по Европе, «евразийцы» – по империи.

«Остров Россия» удивлял некоторых читателей не только потому, что внешне расходился с настроениями и чаяниями тех из них, кто в то время уже интересовался геополитикой, но и в немалой степени потому, что противоречил сложившемуся в сознании образованной публики представлению о Цымбурском как о последовательном стороннике того, что

на нынешнем политическом лексиконе можно было бы назвать «либеральной империей». По статьям 1990–1993 годов в журнале «Век XX и мир», а затем и в «Полисе» Цымбурский виделся им утонченным западником, сторонником единой империи атлантистского Севера, куда на правах одной из основополагающих частей мог бы интегрироваться либерализирующийся горбачевский СССР. Нерв всех основных политологических публикаций Цымбурского вплоть до «Острова Россия» состоял именно в утверждении атлантистского выбора СССР, четко заявленного горбачевским руководством в момент войны в Персидском заливе.

Согласно этому либерально-имперскому видению прибалтийские сепаратисты и ельцинские суверенизаторы, подрывавшие целостность одного из гегемонов «нового мирового порядка», представляли революционный по отношению ко всему ялтинскому миропорядку феномен, в этом смысле аналогичный незаконно оккупировавшему Кувейт Саддому Хусейну. По Цымбурскому, разъедавший Советский Союз «бес независимости» был проявлением того же восстания «внешнего пролетариата» мировой системы против ее имперских гегемонов, как и революция Хомейни в Иране или действия маоистских партизан в Перу. Стремясь защитить свою империю от внутренних врагов, Цымбурский не скупился на жесткие слова в адрес всевозможных сторонников «мировой революции»: «В прошлом веке культурный и имущий слой (“демос”) оказался достаточно силен, чтобы отбить

натиск внутреннего пролетариата – победа, за которую Запад должен вечно благословлять Кавеньяков и Галиффе. Теперь разрушительные волны, готовые ринуться на Европу с юга и востока, черпают импульс не в единой, ведающей свою цель злой воле, а в хаосе нелегитимных вожделений». И, наконец: «Сможет ли Запад так же бороться с “внешним” пролетариатом, как он боролся с внутренним – отбивая и подавляя, сдерживая и разделяя, соблазняя и интегрируя?»³ Едва ли кто-то из нынешних сторонников «либеральной империи» рискнет воспроизвести эти слова, они смутят и выдавших виды апологетов западной цивилизации. Приветствуя действия США в Персидском заливе, Цымбурский не стеснялся противопоставлять «бесу независимости» холодный и жестокий в его имперском самоопределении Запад – Запад, сознающий свое иерархическое превосходство над отсталыми странами мировой периферии и чувствующий необходимость силой утверждать свой авторитет, который один только и может являться источником закона в хаосе международных отношений.

Допускаю, что подобная имперская увлеченность хорошо соотносилась в сознании ученого с его профессиональными занятиями в области изучения гомеровского эпоса и языков Восточного Средиземноморья. Помню, когда я в марте 1991 года впервые прочитал в журнале «Век XX и мир» «Бес независимости», меня поразило, насколько либерально-им-

³ Цымбурский В. Л. Бес независимости // Век XX и мир. – 1991. – № 3.

перская позиция автора должна быть, по идее, близка мироощущению нашего либерального культурологического истеблишмента, нашим историкам римской античности и эпохи Возрождения. Оттуда, с кафедр классической филологии и истории мировой культуры, могла бы идти наша новая посткоммунистическая имперская идея. Чутьем историка Цымбурский ощутил, что последние годы горбачевской эпохи есть триумф и апогей нашего либерального западничества, которое на бескрайних евразийских просторах только и мыслимо в своей жесткой имперской форме. Да и для специалиста по Гомеру сплочение почти всех народов Земли против нарушившего закон Саддама, пожалуй, не могло не напоминать объединение ахейских племен под властью Агамемнона (другое дело, что эта аналогия могла вызывать у знатока той эпохи, как будет показано впоследствии, противоречивые эмоции)⁴.

Очень важно учесть, что впоследствии Цымбурский ни в коей мере не будет раскаиваться в западных имперских мотивах публицистики тех лет, он подвергнет коррекции исключительно свое прежнее оптимистическое представление

⁴ В совместной с Денисом Драгунским статье «Генотип европейской цивилизации» Цымбурский проводил явную параллель между политическим могуществом Евро-Атлантики в начале 1990-х и «главенством Микенской Греции, основанным не на доминировании и подчинении, а на авторитете и первенстве». Как подчеркивали авторы, именно в ахейской Греции «блеснула первая грань будущего европейского кристалла». См.: *Драгунский Д. В., Цымбурский В. Л. Генотип европейской цивилизации // Полис. – 1991. – № 1.*

о спасительной роли рынка в деле интеграции рассыпающегося Союза⁵. Между тем он посчитает, что надежды на своего рода атлантистско-континентальный пакт между гегемонами ялтинского мира вполне адекватно выражали смысл того безвозвратно ушедшего в прошлое момента истории. Момента знаменательного, но неповторимого.

Однако коллеги по филологическому цеху, все эти поклонники Римской империи и средневекового Запада, религиозные мыслители, почитатели Владимира Соловьева и Георгия Федотова, рассуждали тогда совершенно иначе. Никто из них не возвысил свой голос в защиту распадающейся империи. Напротив, они поспешили проводить ее в последний путь словами проклятий или равнодушного сожаления.

Впрочем, в целом проигнорированная коммунистическим руководством имперско-либеральная идея находила в то время других защитников. Значительная часть авторов «Века XX и мира» стояла тогда примерно на тех же позициях. В марте 1991 года, когда в «Веке XX» вышел в свет «Бес независимости», «Независимая газета» опубликовала манифест Игоря Ермолаева и Евгения Михайлова под названием «Имперский либерализм. Настоящий путь спасения России». В статье говорилось, что во имя проведения либераль-

⁵ Из автобиографии Цымбурского, составленной в 1994 году для сборника «Иное»: «Страшно стыдно, ибо тогда я не видел элементарной вещи: чтобы рынок участвовал в строительстве государства, он сам должен быть замкнут границами этого государства, а выплескиваясь вовне, быть подчинен принципу – “в дом, а не из дома”». См.: http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur_o.htm.

ных преобразований россияне «ни в коем случае не должны отказываться от своего интернационального предназначения, но, наоборот, принять бремя имперской нации и стать посредником мира и свободы между народами»⁶.

Авторы статьи, в то время никому не известные студенты исторического факультета МГУ, высказывали свою личную точку зрения, однако выдвинутый ими лозунг «имперского либерализма» попал на короткий момент в резонанс со временем обострения борьбы между горбачевским Центром и ельцинской «суверенной» Россией. Поэтому статья была не просто напечатана в популярнейшей демократической газете тех лет, но еще и удостоена редакционного комментария, в котором высказывалось предположение, что создатели текста выражают в нем некую секретную идеологию власти. Увы, это было не так. Как признается сегодня Евгений Михайлов, «...статью заметили, но события шли своим чередом. Не было ни дискуссии, ни каких-то новых связей. Что и неудивительно, мейнстрим определяла борьба демократов с коммунистами».

Фактически то же можно сказать и об «имперском либерализме» в исполнении Вадима Цымбурского и его тогдашних соавторов – Дениса Драгунского и Гасана Гусейнова. Их

⁶ Ермолаев И., Михайлов Е. Имперский либерализм. Настоящий путь спасения России // Независимая газета. – 5 марта 1991 года. Евгений Михайлов впоследствии стал депутатом Государственной думы от фракции ЛДПР, а затем – псковским губернатором. Его соавтор – псковский историк Игорь Ермолаев, автор книг о П. В. Долгоруком и В. В. Берви-Флеровском.

наработками лишь спустя десятилетие смог воспользоваться либеральный истеблишмент, в частности Анатолий Чубайс с его лозунгом «либеральной империи» 2003 года. В его статье «Миссия России в XXI веке» появились к тому времени основательно позабытые либералами слова о «демократическом кольце стран Севера», призванном сковать хаотизирующийся мир союзом Японии, России, Европы и США⁷. Любопытно, что сам проект кольца «Демократического Севера» был извлечен из процитированной выше статьи Цымбурского «Генотип европейской цивилизации», написанной им в соавторстве с Денисом Драгунским. И все-таки тогда, в 1991 году, в защиту всех этих имперских построений рисковали выступать лишь аутсайдеры либеральной публицистики⁸, западничный истеблишмент отшатнулся от империи, в конце концов выбрав сторону «суверенной» России, а не горбачевского Центра.

⁷ Чубайс А. Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. – 1 октября 2003 года.

⁸ «Было, было у нас в 1990 году, – вспоминал впоследствии Денис Драгунский, – смутное предчувствие неизбежного безобразия, и мы пытались его выразить в слове. Смешно было бы предполагать, что нас послушают или хотя бы прислушаются. Близкие люди обзывали нас Алкснисами и другими обидными именами и названиями. Жизнь здорово раскидала нашу антисоветско-проимперскую троицу. Гусейнов стал немецким исследователем русского политического просторечия. Цымбурский пишет про геополитическую платформу, пронзенную сакральной вертикалью власти. А я, кажется, понял, что меня так бесило в наших противниках империи. Раздражала их уверенность в собственном всемогуществе. Как будто бы без демократов СССР по сию пору стоял бы оплотом вселенского зла. Развалился бы, как миленький». См.: Новое время. – 2001. – № 50.

Возникает закономерный вопрос: не может ли быть, что Цымбурский со своей либерально-имперской проповедью в 1990–1991 годах несколько опередил время, не рассчитав, что все сказанное им не может относиться к гибнущей коммунистической идеократии, что необходим переходный этап между падением коммунизма и созданием на его обломках новой посткоммунистической империи, живущей в дружном согласии с США и Западной Европой? Возможно, в трагических событиях 1991 года проявилась та самая гегелевская «хитрость разума», которая выводит историю руками не подозревающих о конечных целях людей к нужному и правильному финалу? Нельзя ли исключить, что Цымбурский слишком поспешно в 1993 году решил отказаться от либерально-имперской парадигмы, чтобы перейти к новым взглядам, впервые заявленным в «Острове Россия»?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует более обстоятельно рассмотреть взгляды Вадима Цымбурского в этот «либерально-имперский» период. Полагаю, что имперские политические установки мыслителя начала 1990-х и дали толчок всему последующему творчеству ученого в области политической науки, определив характер всех его геополитических и в целом политологических исследований. Более того, с моей точки зрения, и перейдя от либерального имперства к концепции «Острова Россия», Цымбурский далеко не полностью пересмотрел свое политическое кредо начала 1990-х. На новом – шпенглеровском – этапе он вернулся к неко-

торым прежним разработкам (в первую очередь в области «суверенитета» и поэтики политики), уже незадолго до своей кончины, как раз к моменту составления второго крупного сборника своих политологических трудов. Понять концептуальный замысел ученого можно, только представив его в качестве масштабного гуманитарного проекта, ориентированного не только на расширение наших знаний о России, но в первую очередь на реформирование ее цивилизационного уклада. Данное реформирование мыслилось им в разные периоды времени его жизни неодинаково, но собственное политическое творчество Цымбурского – то, что я решился назвать его «политической критикой», критикой политического опыта, – всякий раз вписывалось им именно в этот амбициозный план. Условия реализации этого проекта менялись, часто с катастрофической быстротой, но его теоретическое содержание, как я попытаюсь показать в данной работе, по существу оставалось неизменным.

«Мальтийские демиурги» нового мирового порядка

Короткий период «второй разрядки» между СССР и США, отмеченный визитом Рейгана в Москву в мае 1988 года, выводом войск из Афганистана в январе 1989-го, крахом Берлинской стены в ноябре того же года, тесным взаимодействием Горбачева и Буша в период подготовки войны в Заливе и, наконец, как кульминация, объявлением президентом Соединенных Штатов «нового мирового порядка» в речи 11 сентября 1990 года, до сих пор не получил в историографии холодной войны и международных отношений в целом какого-либо серьезного осмысления. Между тем это был период, когда мир и вправду обрел шанс быть «глобальным», когда эта «глобальность» утверждалась не только экспансией доллара и транснациональной экономики, но и некоторой, казалось бы общепризнанной, системой правил и норм. Еще более удивительно, что этот короткий период времени, получивший в американской публицистике точное обозначение как «момент однополярности», почти и не имел собственных последовательных идеологов — ни с советской, ни с американской, ни с европейской стороны. «Новое мышление» Горбачева и «новый мировой порядок» Буша-старшего — эти две однотипные формулы так и остались недорас-

крытыми для политического класса сверхдержав. Да и сами «мальтийские демиурги» этих формул не выразили явного устремления отстаивать их до конца, не обращая внимания на пассивное или активное сопротивление создаваемому ими миропорядку со стороны не только внешних супостатов типа Саддама Хусейна, но и собственных граждан.

В своей знаменитой речи перед конгрессом 11 сентября 1990 года «Навстречу новому мировому порядку» Джордж Буш выступал от имени всего цивилизованного человечества, объединившегося для того, чтобы дать отпор Саддаму Хусейну, который только что, в августе, осуществил военное вторжение в Кувейт. Особое воодушевление вызвало у президента Соединенных Штатов осуждение вторжения Ирака лидером Советского Союза Горбачевым, что наряду с поддержкой антисаддамовской коалиции руководителями большей части арабских стран создавало надежду на возникновение сознающего свое единство мира. Мира, у которого, разумеется, обнаруживался и один всеми признанный лидер – Соединенные Штаты.

«Новое партнерство наций началось, – говорил Буш, – и мы присутствуем сегодня в уникальный и экстраординарный момент. Кризис в Персидском заливе предлагает нам редкую возможность двигаться навстречу историческому периоду кооперации». На глазах возникает новый мир – мир, в котором «право закона вытеснит право сильного, <...> мир, в котором

сильный признает права слабого».

Иными словами, согласно Бушу, которого в этом отношении полностью и безоговорочно поддержал Горбачев, советско-американское примирение впервые создало ситуацию, при которой все положения Устава ООН переставали быть чистой фикцией. Ранее каждая из сверхдержав сквозь пальцы смотрела на проделки своих «сукиных сынов»: СССР поддержал захват Сайгона в 1975 году и вторжение вьетнамцев в Кампучию в 1979-м, а США долгое время укрепляли военный потенциал Израиля, незаконно оккупировавшего палестинские территории. Американцы и сами осуществили несколько военных вторжений на территории, куда предположительно могли сунуться коммунисты – в Гватемалу, Вьетнам, на Гренаду. СССР проделал ровно то же самое в отношении Афганистана. В общем, ни о каком едином стандарте дипломатических отношений говорить не приходилось. Но теперь, утверждали Буш и его советский визави, все решительно меняется и отныне агрессию одной страны против другой «единый мир» уже не потерпит.

Ничего особо зловещего идея «нового мирового порядка» в себе не содержала. Тем не менее и среди левых антиимпериалистов, и среди правых республиканцев термин «новый мировой порядок» (несмотря на его присутствие на самом распространенном американском документе – долларе) вызывал множество ненужных – социалистических и империалистических в одно и то же время – ассоциаций. Тем бо-

лее, как подчеркивал в своих мемуарах помощник Буша по национальной безопасности и его ближайший друг генерал Brent Скоукрофт, фраза «новый мировой порядок» «не раз использовалась для обозначения целого ряда ситуаций, далеких от того, с чего все начиналось. Мы, разумеется, не строили иллюзий относительно того, что мы вступаем в полосу мира и спокойствия. Эта фраза в нашем представлении была применима только к узкому спектру конфликтов – межгосударственной агрессии»⁹. Скоукрофт бросает еще одно очень важное замечание: «Этот термин с тех пор был многократно расширен, главным образом в целях его дискредитации».

Итак, «новый мировой порядок» в версии Буша-старшего теоретически не был жестким ущемлением национального суверенитета во имя некоего мирового правительства. Старший Буш не утверждал как концептуальную догму необходимость вмешательства во внутренние дела государств. Он говорил лишь о недопустимости вооруженной агрессии одного государства против другого и о готовности Америки вместе со всем «цивилизованным миром» прийти на помощь жертве против насильника. И нельзя сказать, что данная концепция являлась исключительно пропагандой. Мир с некоторым напряжением мог быть выстроен на основаниях Буша – Скоукрофта. Это был бы далеко не идеальный мир: это был бы мир, в котором нельзя ответить жестким ударом на провока-

⁹ Здесь и далее цит. по: *Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим.* – М., 2004.

ции и оскорбления, в котором экономическая слабость страны не могла быть компенсирована военно-силовой мобилизацией. Это был бы мир, в котором связь между экономической отсталостью и политической зависимостью надолго, если не навсегда оставалась бы нерушимой. В общем, это был бы спокойный и предсказуемый, но вместе с тем душноватый, трудный для политического существования миропорядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.